

*С.Г. Галаганова, кандидат философских наук, доцент
МГТУ им. Н.Э. Баумана (Москва)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Одним из стратегических направлений современной информационной войны является работа с языком противника (реального или потенциального). Речь идет о формировании в обществе необходимой дискурсивной (речевой) среды, играющей роль своеобразной «пропитки» образа жизни и мыслей народа и незаметно переформатирующей его в соответствии с заданными духовными и культурными стандартами. Элементами дискурсивной среды являются лексика, идиоматика, синтаксис, речевые обороты и даже разговорная интонация. Все, что мы слышим и читаем, вызывает ответную реакцию в виде незаметно формируемых и закрепляемых речевых привычек, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на наше сознание. Этот вывод получил серьезное научное обоснование в трудах В. фон Гумбольдта [3, с. 370–381], Й.Л. Вайсгербера [1], Б.Л. Уорфа [7], российских лингвистов А.Д. Шмелева [4], В.И. Карасика [5; 6], А.А. Зализняк [4]. Все эти ученые писали и пишут о том, что, в отличие от профессионала (философа или политтехнолога), осознающего конвенциональный (условный) характер языковых конструкций и сознательно использующего их в своих эвристических или практических целях, обычный человек не способен осознать ни сам факт «игры в слова», ни ее правила. Это делает его полностью зависимым от языка своей микро- и макросреды, а переформатирование дискурсивной среды народа – одним из эффективных инструментов его культурной ассимиляции (в данном случае – политическим противником).

Колониализм XXI в. начинается с колонизации речевой среды зависимой территории. Поскольку в роли колонизатора – реального (как в отношении России) или потенциального (как в отношении Беларуси) – сегодня выступает корпоративный субъект глобального политического управления в лице ведущих транснациональных корпораций, нам необходимо исследовать его язык – язык идеологии либерализма, *lingua liberalis*. Следует иметь в виду, что либерализм сегодня – феномен не столько идейно-политический, сколько семантический. Далеко не случайно новая книга К. Шваба и Т. Маллере, анонсированная как «второй манифест Великой Перезагрузки», получила название «Великий Нарратив». Она по существу представляет собой проект формирования «глобальной цифровой ментальности» при помощи внедрения в языки народов соответствующего «цифрового дискурса» [2; 8]. Современный либерализм – уже не столько совокупность политических идей, не столько политическая доктрина

или учение, сколько совокупность смыслов, как явных, так и неочевидных, задающих жесткие критерии субъектности и социальности. Системная доминанта либерализма сегодня носит семантический характер, и именно она закладывает основы либеральной картины мира (в том числе социума и индивида). Эту картину человек в основном «впитывает» вместе с речью своего окружения еще до формирования осознанного интереса к жизни общества.

Либеральный дискурс по-прежнему служит инструментом размытия национальной идентичности и традиции. Но сегодня он порождает еще и новые, гораздо более эффективные механизмы социального принуждения. Продолжая клеймить «тоталитаризмом» идейно-монолитные режимы минувшего века, он являет новую форму тоталитарности, реализуемой через скрытые технологии приучения. Блестяще отработанные на формировании потребительских привычек (в том числе потребления информации), они экстраполируются сегодня на дискурсивную среду, приучая людей к использованию в своей речи элементов чужого дискурса.

Поясним вышесказанное на конкретных примерах. Одной из «несущих конструкций» либерального образа мыслей является представление об экзистенциальном неравенстве людей, о возможности отказа определенной их части в человеческом достоинстве по причине жизненного неуспеха, отсталости, «дикости», «нецивилизованности», «непродвинутости» – в общем, несоответствия неким стандартам. В русском слове «неудачник» традиционно отсутствовала коннотация осуждения: оно несло в себе смысловой оттенок сочувствия, а иногда (как в случае с Обломовым) и позитивного восприятия человека, хоть и «неделового», но душевного, доброго, бескорыстного. В английском слове «лузер», которым именуют неудачников многие представители российской молодежи, звучит лишь холодное, снисходительное презрение. «Лузер» (как и «совок», «ватник», «нищоброд») не заслуживает ни жалости, ни поддержки.

Сегодня «лузеров» начинают теснить «деплиранты» – неологизм, прозвучавший в предвыборных выступлениях Х. Клинтон в отношении тех, кто поддерживает Д. Трампа. Термин пришел из психиатрии, где *casus plane deplorabilis* означает «абсолютно безнадежный случай». Клинтон заявила, что такие люди составляют не менее половины сторонников Трампа, что они неисправимы и поэтому их нужно поместить в корзину для отходов. Выражение «Ватный Апокалипсис» ожидаемо сменилось «Апокалипсисом деплорантов» с тем же самым политическим и эсхатологическим смысловым наполнением: 1) демократия хороша, но она далеко не для всех; 2) глобальное «восстание деплорантов» грозит гибелью «цивилизованному» миру.

По отношению к достойным членам либерального социума в России с начала 1990-х гг., помимо прилагательного «успешный», стало активно

употребляться еще и слово «амбициозный». В русской духовно-культурной традиции это качество именовалось гордыней, спесью и пользовалось однозначным неодобрением. Завышенная самооценка, излишняя самоуверенность зазнавшегося человека воспринимались с долей иронии, как признак внутренней пустоты, глуповатости. И наоборот, скромность, непритязательность, умение мужественно смиряться перед жизненными обстоятельствами, критично оценивая свои способности, вызывали уважительное отношение. В «доперестроечные» времена у нас можно было услышать выражение «карьера (карьерист) в хорошем смысле». Оговорка указывала на то, что смысл слов «карьера» и «карьерист» был «нехорошим»: ими характеризовали бездушное, расчетливое, узколобое существо, способное на все ради продвижения по служебной лестнице. Это, разумеется, не означает, что русские люди не росли профессионально, не продвигались по службе, не испытывали радости от своих побед. Просто это не было смыслом жизни, этим не принято было хвалиться. Человека, сумевшего реализовать себя в своей профессии, могли назвать «состоявшимся» (ученым, педагогом, музыкантом), в то время как слово «успешный» несло в себе смысловой оттенок потенциальной беспринципности, готовности идти на компромиссы с совестью. Сегодня новое поколение успешных, амбициозных россиян, не смущаясь, делает карьеры, более всего опасаясь попасть в категорию лузеров, деплорантов, нерукопожатных.

Переформатирование российского социума изначально сопровождалось внедрением в нашу дискурсивную среду слова «вызов» (challenge). С политических и научных трибун все реже звучало слово «проблема», зато «вызовы» нам словно бы кем-то бросались все чаще и чаще. Дело в том, что в либеральном дискурсе слово «проблема» (problem) несет в себе нежелательную негативную коннотацию – «неразрешимый вопрос», «неприятность», а тот, кто нацелен на успех, должен смотреть на жизнь позитивно, уверенно отвечая на ее вызовы. Проблема требует серьезного, вдумчивого подхода – осмысления, оценки возможностей и рисков, долговременных последствий. К тому же нет гарантии, что она будет решена, а может быть, ее и не стоит решать («игра не стоит свеч»), и это опять-таки потребует от человека традиционного русского смирения, покорности судьбе. Что же касается вызова, то на него положено отвечать «наскоком», на пределе сил, не считаясь с обстоятельствами, демонстрируя окружающим свою энергию и амбициозность.

Примеры воздействия на социальное поведение через внедрение в речевую среду соответствующих дискурсивных элементов сегодня можно обнаружить практически во всех сферах жизнедеятельности российского социума. Проекты и продукты, тренды и бренды, бизнес и пиар, формат и повестка, позитивный и комфортный, элитный и эксклюзивный, культовый и гламурный – все эти

и многие другие лексемы и речевые обороты свидетельствуют не просто о засорении и примитивизации русского языка как носителя культуры народа. Речь идет о целенаправленной вестернизации русского сознания через вестернизацию русской дискурсивной среды.

В России либеральный дискурс, к сожалению, уже породил новый, еще совсем недавно абсолютно чуждый для русского человека, либеральный образ мысли, а тот, в свою очередь, новый тип социального поведения. В науках о языке есть понятие «языковое бессознательное» (аналогичное теории К. Юнга). Именно на этом, подсознательном, уровне осуществляется сегодня семантическое «размывание» русского языка и переформатирование русской дискурсивной среды. Поэтому первым ответным шагом должно стать превращение феномена *lingua liberalis* в предмет строгой научной рефлексии. Чтобы бороться с врагом, нужно сначала опознать его.

Список источников

1. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсбергер. – М. : URSS, 2009. – 232 с.
2. Галаганова, С. Г. Лингвокультурологические аспекты «Великого Нарратива» / С. Г. Галаганова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 8. – С. 14–24.
3. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / Г. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
4. Зализняк, А. А. Исследования по русской и компаративной семантике / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Издательский Дом «ЯСК», 2021. – 552 с.
5. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2015. – 384 с.
7. Уорф, Б. Отношение норм поведения к языку [Электронный ресурс] / Б. Уорф. – Режим доступа: <http://practicalthinking.narod.ru/Whorf.htm>. – Дата доступа: 10.11.2022.
8. Schwab, K. The Great Narrative. For a Better Future / К. Schwab, Т. Malleret. – Geneva : WEF Publishing, 2022. – 253 p.